

Ханс Байер

Украденная юность 1942-1950

Сокращенный перевод с немецкого Дмитрия Маслова

В начале ноября 1942 года я отправился на фронт. Наш эшелон двигался, монотонно стуча колесами через унылые осенние пейзажи к Сталинграду. В пути на разъездах мы встречаем грузовые поезда с открытыми вагонами. Я открываю окно купе, чтобы разглядеть, что там в этих открытых вагонах. Сквозь оконный проем мне в лицо ударяет свежий холодный воздух. Я всматриваюсь в черноту мелькающих мимо вагонов и вижу обритые головы людей.

Они плотно прижаты друг к другу и волнообразно раскачиваются в такт движения поезда.

Я вижу некоторые лица.

Мне кажется, что они испуганны, в глазах этих людей тупой страх и отчаянье. Это русские пленные.

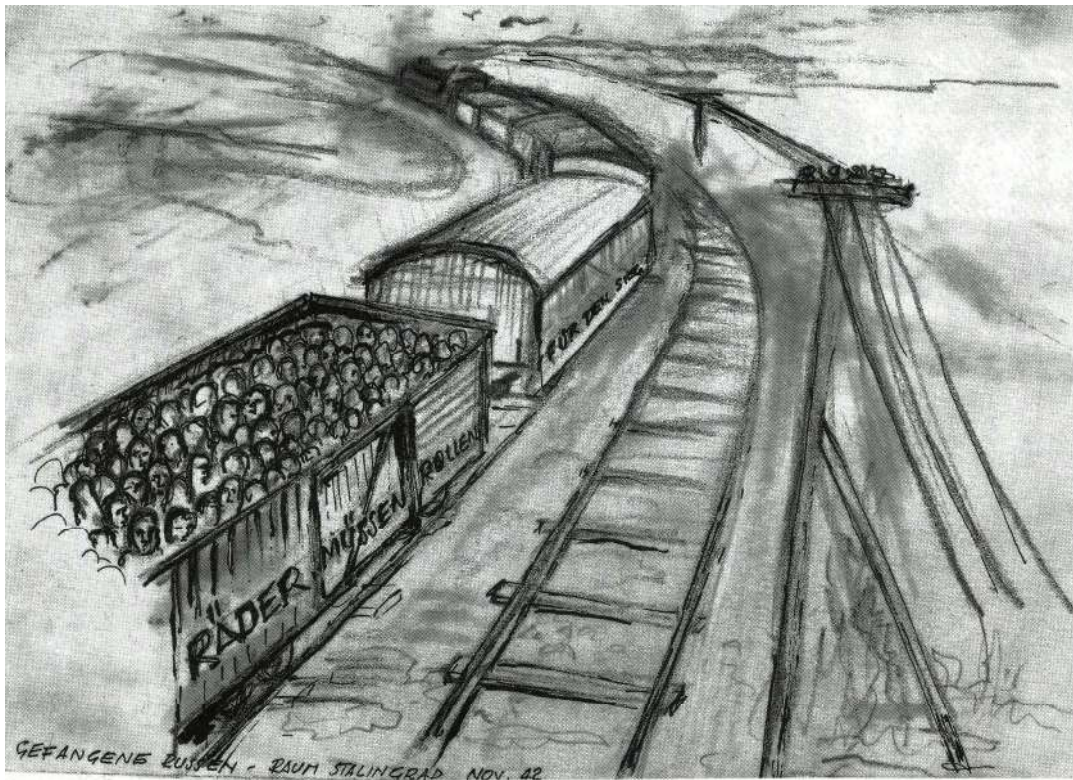
Их везут в Германию.

Что их там ждет?

Кто знает?

Вот значит, как выглядят пленники.

Я не смею мыслить дальше, дрожь переполняет меня. Я начинаю осознавать неизвестность и своей судьбы.

*Эшелон с русскими военнопленными. Сталинградская область, ноябрь 1942 г.
Здесь и далее рисунки Ханса Байера.*

Кубань. 1942 – 1943 гг.

Мы слышим русских на той стороне.

Прислушиваемся к их голосам, как они получают свою водку, слышим их ночные песнопения.

Эти их ночные песни, которые мы отчасти с болью, иногда со страхом слушаем, сидя в своих окопах.

С утра и весь день страшная канонада.

Артиллерия русских бьет без отдыха.

Моя губная гармоника, с помощью которой я извлекаю волшебные звуки, диссонирующие с окружающей какофонией войны, спасает меня и моих товарищей от безумия.

Мы радуемся, что пока еще живы и можем смеяться, хоть и смехом висельников, ожидающих неминуемой казни.

Следующей ночью подозрительная, страшная тишина.

Русские на той стороне молчат. Ни звука.

Но что это? Мы не верим нашим ушам - музыка!

Танцевальная музыка через репродуктор с русской стороны:

“Du, mein blondes Kätschen...” Голос кажется удивительно красивым в этой зловещей обстановке. Мы зачарованны!

Затем музыка резко обрывается и голос из репродуктора говорит:

"Мужчины на Кубанском плацдарме! Пехотинцы! Где ваши товарищи?

Все они погибли в Сталинграде.

Посмотрите, остались ли в ваших рядах опытные бойцы? Нет. Они все остались лежать в Сталинграде.

Мужики, будьте благоразумны! Перед вами находится русская армия, за вами море. У вас нет пути ни вперед, ни назад. Вам нет спасения!

Но у вас есть еще один шанс. Вам не нужно ни голодать, ни замерзать!

Сдавайтесь и каждый день вы будете получать

600 г хлеба, 15 г сливочного масла, 30 г сахара и три раза в день горячую еду!

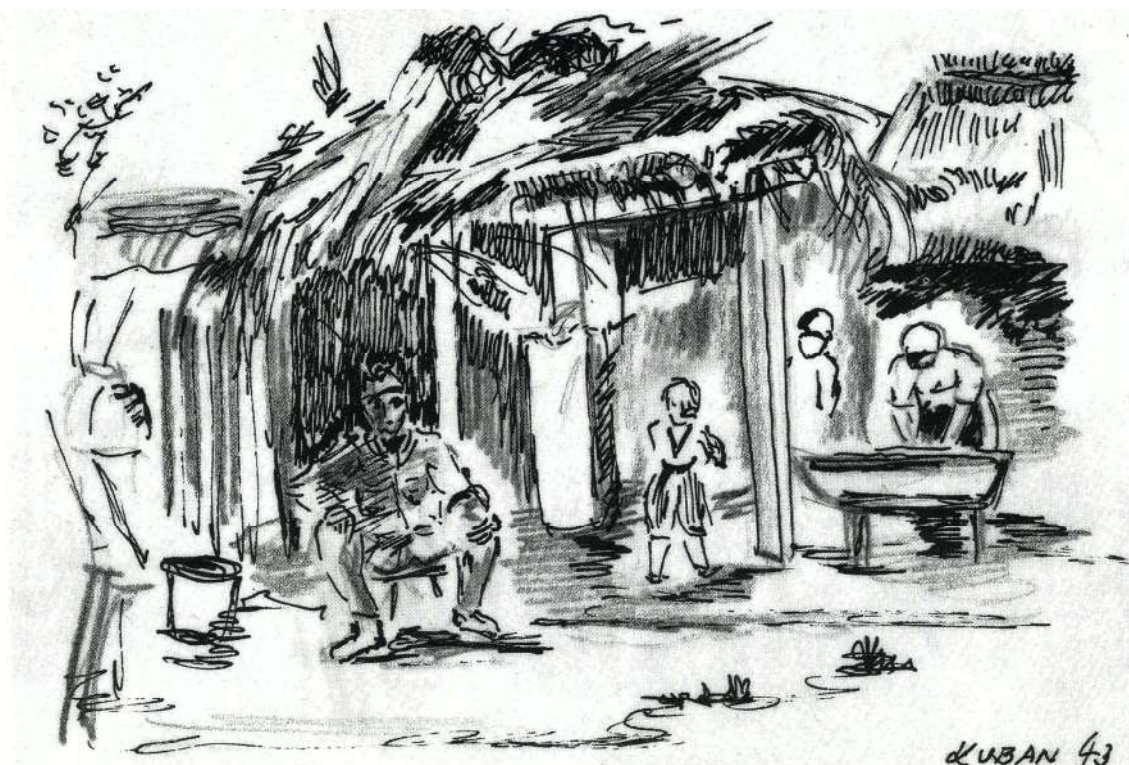
Сдавайтесь и вас будут развлекать русские женщины.

Много Женщин!"

Воззвание закончилось, и из репродуктора вновь полилась мелодия «Блондинка Кэтхэн».

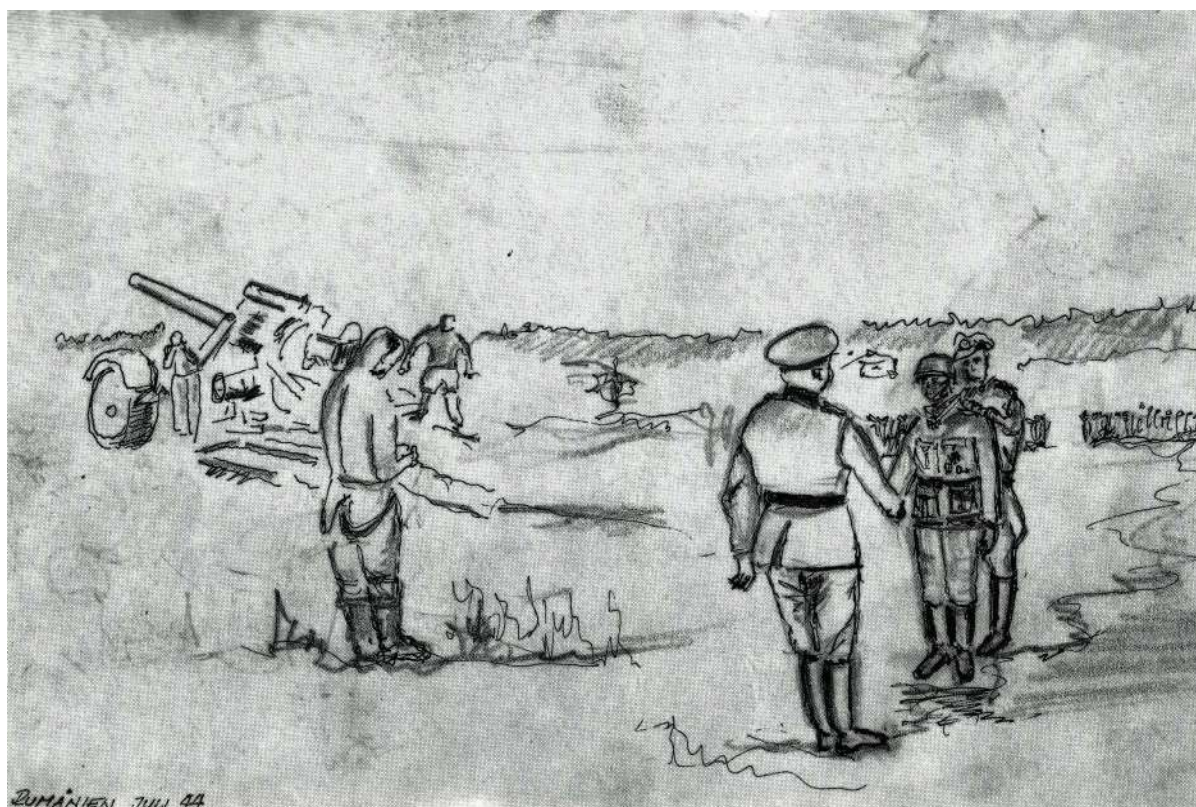
Когда музыка прекратилась, заработал «Сталинский орган».

«Катюша» била сильно, громко и страшно.

Прямо перед нами разрывается снаряд.
Комья земли вперемежку с рваным железом окутывают нас.
К счастью мы целы. Гул стихает, земляная крупа медленно оседает на наши каски. Мы поднимаем головы и отряхиваемся. Фосфор из снаряда накрыл нас, и мы светимся в сумерках, как светлячки.
Психологическое воздействие было сильнейшим.
Нам вначале «томного вечера» предлагали хлеб и женщин, а затем сильным ударом «кнута» показали, что будет, если мы ослушаемся.
Каждую ночь, когда наши каски отражают поверх окопов яркий лунный свет в Кубанской ночи, работает русский снайпер.
Мы, как мишени на стрельбище, и снайпер отрабатывает свой норматив, уверенно пристреливаясь все точнее и точнее.

В Румынии, 1944 год

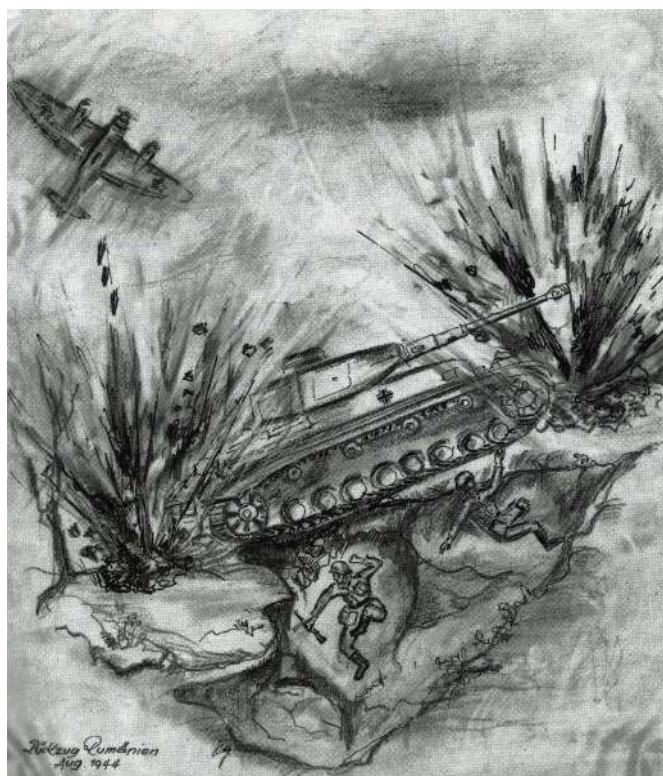
Мы окопались на лесистых высотах, и можем наблюдать, как внизу идет бой.
Мы ждем команды, а пока видим, что наши подразделения там внизу исчезают из поля зрения.
Русские занимают деревню, путь к высоте им открыт.
Мы получаем команду отступить. Кроме нравственного разочарования связанного с отступлением, нас мучает жажда и голод, так как уже в течение нескольких дней мы движемся без полевой кухни, которую потеряли в бою.
Полевая Кухня!
Прямое попадание и вся военная мощь нашей роты в «жопе»!
Мы смотрим на начальство, а они смотрят на нас.
Все молчат и понимают друг друга без слов.

Наш командир, которого я помню еще с Потсдама, отечески просит нас не унывать:

- Подумайте о наших товарищах, оставшихся в Сталинграде.

Вот им точно нечего было жрать.

Мы, молча, соглашаемся с ним. Мы до сих пор так много пережили, и мы не хотим сдаваться сейчас.

Мы отходим уже в течение нескольких дней.

Я вижу, что делает с нами отступление.

Мы боимся выстрелов, которые, кажется, нас догоняют.

Когда нас настигает русская атака, мы к ней не готовы.

Молодые, не опытные солдаты сбиваются в кучу при массированном обстреле.

Им кажется, что в толпе они находятся в большей безопасности,

Я знаю, что это не так. Спасти можно только поодиночке. Вокруг стоны и боль.

Мы бежим в разные стороны и стараемся не слышать призывы раненых

товарищей о помощи. Это горько, очень горько!

Большой парень, блондин, пехотинец просит меня остаться с ним.

В его диалекте я сразу узнаю Пфальца. Оказалось, что мы даже соседи.

Наш разговор о доме прерывается взрывом. В небе гудят русские бомбардировщики.

Они бьют по нашим танкам, по нам, по всему, что движется и прячется на земле.

В воронке лежит мой земляк из Пфальца.

Кровь хлещет из его пустой штанины.

Я ищу его ногу и не могу найти.

Я хочу что-то сделать для него, может быть, у меня получится соединить ногу с телом, но я не могу найти его ногу.

Кровь пузырится вокруг белой кости бедра.

Я снимаю свои подтяжки и стягиваю ему бедро.

Я пытаюсь дотащить его до безопасного места.
Он стонет и стонет.
Я прошу моего товарища не жаловаться.
Я тащу его вперед, стараясь прижиматься ближе к земле.
Он уже не стонет, а просит оставить его.
Потом он умолкает и через несколько сотен метров, я вижу, что он мертв.

Плен.

Мы прячемся, как в детской игре, стараемся не шуметь, чтобы нас не заметили. Бродим среди виноградных лоз. Виноград немного придает нам сил. Сквозь плотный лес через поле раздается крик. Нас выкрикивают немцы, которых уже схватили русские. Они называют имена своих товарищей:
- Карл, выходи, нас не расстреляют!
Но мы не верим. Мы видели раньше голые трупы наших товарищей, исколотые русскими штыками.
Луна светит ярче, чем в другие ночи. Как будто это наша последняя ночь.
Мы медленно выходим из леса.
Русский стрелок на противоположной стороне обнаруживает и приветствует нас строчащим пулеметом.
Мы слишком ослаблены, чтобы бежать, мы валимся в мокрую траву и лежим.

Вот и все.

Я спешно избавляюсь от моих военных наград и оружия.

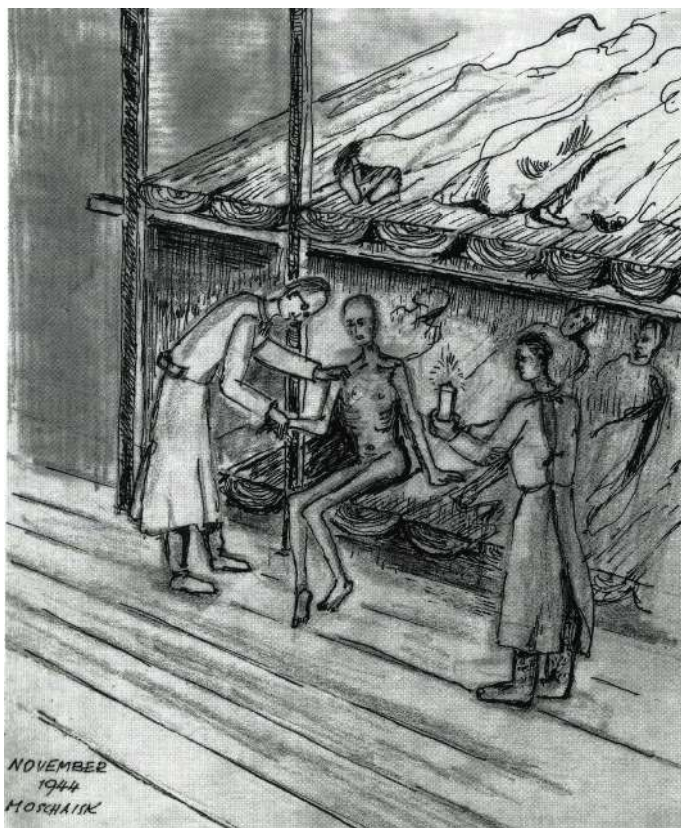
Бросаю их в кусты.

Впервые слышу русский приказ, обращенный ко мне:

- Руки вверх!

Вот уже и трое моих товарищей встают рядом.

Нас приводят в деревню и запирают в сарае. Я облегченно падаю на кучу сена и проваливаюсь в сон. Я все еще жив, я вел себя правильно! Это главное.

Я среди тысяч немецких военнопленных в лагере

«Роман», в брошенных заводских цехах из железобетона.

Каждый день нас кормят гороховой кашей без соли.

Так проходит нескольких недель, а мы все еще сидим на холодном бетонном полу и чего-то ждем.

Страшная болезнь разрастается: дизентерия!

Отхожий угол наполняется не переваренным горохом, окутанным слизью и кровью.

Теперь я осознаю свое положение!

Я жив, но я военнопленный.

Меня и моих товарищей ждет изнурительная работа и голод.

Если нам повезет, мы выживем.

Русские нам говорят:

- Вы разрушили нашу страну, теперь вы будете ее восстанавливать.

Ничего! Давай! Работай!

Ногинск.

После длительного перегона эшелонам ближе к Москве, я попал в русский госпиталь «Ногинск».

В здании, построенном из красного кирпича, в госпитале для немецких военнопленных я стою под душем в полном забытии.

На следующее утро я просыпаюсь в мягкой постели и с удивлением узнаю от товарищей, что потерял сознание, лежа под душем, и только сейчас очнулся.

Передо мной стоит, улыбаясь, миниатюрная пожилая дама:

- Доброе утро! Как дела?

Это врач.

Несмотря на мое состояние, я чувствую себя счастливым, впервые за все время.

Это конец ноября 1944 года, и война еще бушует.

Нас 13 человек в небольшой палате для тяжелобольных.

Я думаю, как это возможно, мы напали на Советы, разграбили, опустошили селения, убивали русских людей, а теперь лежим в белых кроватях.

Над нами кружат медсестры и врачи, беспокоятся о нашем благополучии?

Рождество.

Рождество 1945 года мы встречаем в 40 километрах от Москвы в лагере «Александровка».

На протяжении многих недель здесь лежит снег, и рано становится темно.

Как красив лес в зимнем великолепии!

И в тоже время для нас этот лес настоящий ад!

Мы бредем на работу с тряпками на ногах и руках. Нам очень холодно!

В голове роятся картины из дома. Что вы знаете о немецком Рождестве!

Вы мечтаете о потрескивании поленьев в печи.

Все ваши близкие собрались у огня.

Все поют рождественский гимн!

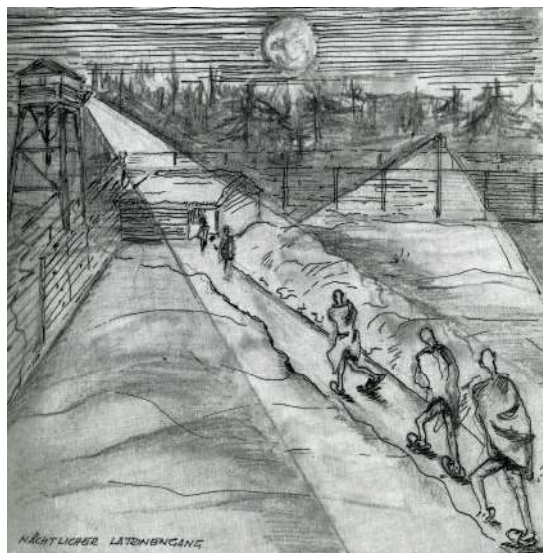
Увидим ли мы это снова? Кто знает?

Крик русского караульного прерывает мои мечтания:

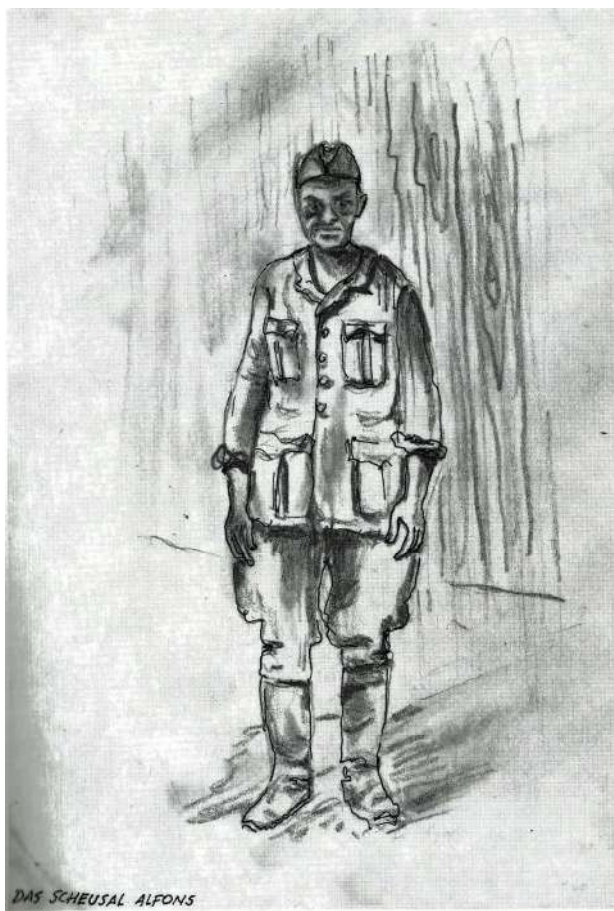
- Двадцать человек - к складу! Давай, давай!

И вот уже немецкий начальник повторяет:

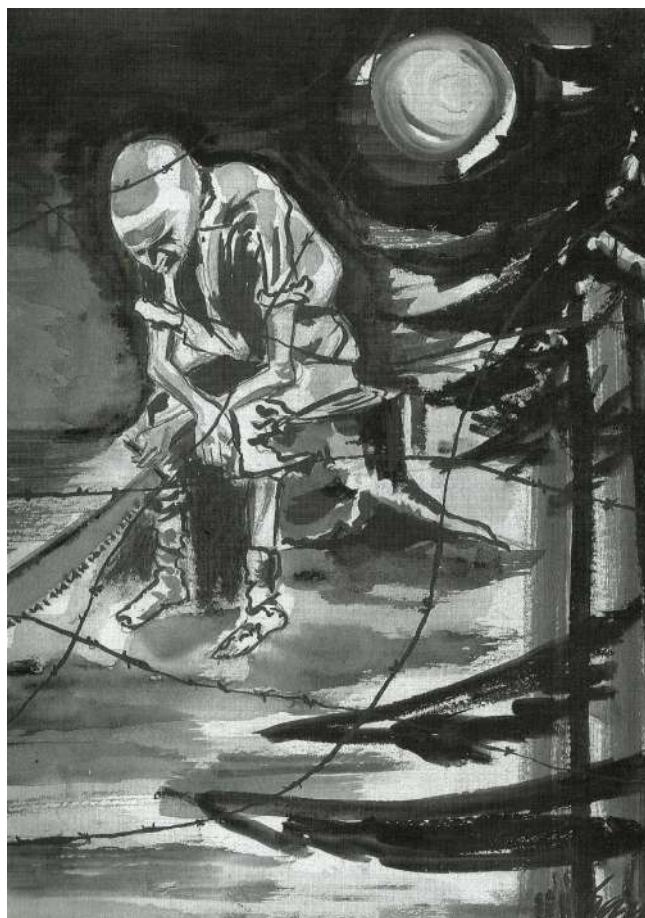
- Разве вы не слышали? 20 человек! Давай, давай! Встретим Рождество в лесу.

Этот немецкий руководитель лагеря - Alfons K., дьявол в образе человека, который меня сразу же возненавидел.

Страшилище Альфонс

в лесу

Мы идем закутанные в ватные телогрейки с согнутыми и прижатыми к телу руками, чтобы было теплее.
Под мышками пила и топор.
Под ногами скрепит снег, трещат от мороза стволы берез.
Сегодня нам выдали жесткую норму. Мы, молча, повинемся.
Еще не рассвело.
Звезды светят с неба как всегда, и луна, наш безмолвный товарищ, посылает бледно-серебристый свет на бредущую колонну военнопленных.
Мы проходим мимо места, где совсем недавно замерзли насмерть два наших товарища.
А где-то далеко на западе сейчас горят елки. Там Рождество.
Только не думать об этом. Только не думать.
Застучали топоры, заскрипели пилы. Потревоженный снег летит комьями на наши головы.
Охранник стоит в снегу, переминает ногами, замерз, как собака. Время от времени он орет:
- Давай, давай! Работай! В Сибирь захотели.
Он подходит к старику Карлу, который выронил топор.
Руки больше не могут держать от мороза.

Карл показывает русскому окоченевшие скрюченные пальцы и умоляет не сообщать начальнику. Его голос дрожит. Он так хочет вернуться домой к жене и трем детям!

Русский смотрит на Карла. Мы все застыли в ожидании кульминации этой мизансцены.

Неожиданно для нас русский говорит:

- Да, сегодня чертовски холодно! Разведите огонь, согрейтесь!

Потом русский спрашивает Карла:

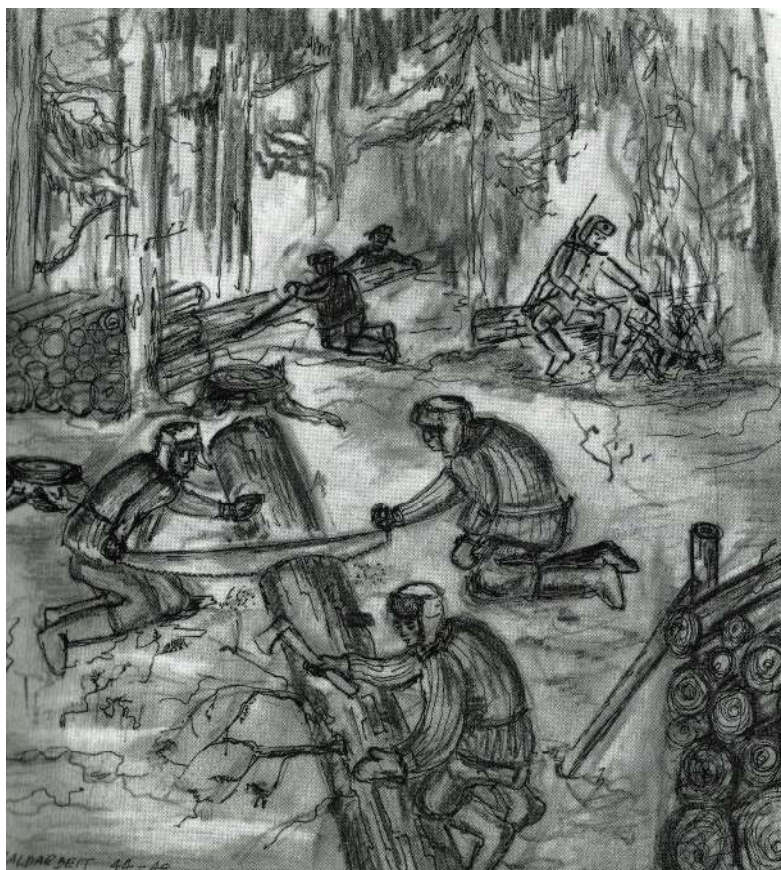
- Кто тебя ждет в Германии?

Карл отвечает:

- Моя семья. У меня есть жена и дети. Трое детей.

Карл называет их имена, смешно перебирая обмороженными губами, на его серых щеках слезы чертят белые полосы.

- Хорошо, хорошо, скоро домой! Скоро ты вернешься домой! – Русский охранник хлопает Карла по плечу. Я удивляюсь тому, что за этой суровой внешностью охранника скрывается добрая человеческая душа. Все-таки сейчас Рождество!

Морозными ночами мы выходим по нужде из Барака и мочимся прямо на снег у деревянной обшивки стены. От этого снег вокруг барака стал противно желтого цвета и кроме того здесь выросли огромные желтые сосульки, словно сталактиты. Русский офицер, в который раз замечает нам, что это еще раз доказывает низость германской культуры.

Чертова крыса Альфонс поддакивает ему и называет нас свиньями.

Офицер, обращаясь к нам, спрашивает, зачем же мы это делаем?

Я выхожу из строя и объясняю, что у нас нет туалета внутри барака.

- Если бы в пристройке поставить, хотя бы ведро для ночных потребностей, которое утром мы бы опорожняли, - сказал Я.

До того, как Альфонс перевел мое предложение на Русский язык, он назвал меня академической свиньей и фашистом. Альфонс знает, что я из студентов и часто оскорбляет меня на этот счет.

Русский же нашел мое предложение разумным и согласился.

С тех пор у нас в бараке появился «туалет» и не надо ночью бежать «за угол». «ссальник», как говорят русские, это бочка, которая каждое утро полна на $\frac{3}{4}$ объема.

А однажды утром мы обнаружили, что бочка ночью переполнилась и моча перетекла через край.

Моча в холодном коридоре быстро превратилась к утру в лёд, образовался настоящий желтый каток.

Вооружившись ломом, мы долго отбивали пол.

Многим товарищам страдающим воспалением мочевого пузыря и почек теперь благодаря мне не нужно в холодное время бегать по нужде на улицу.

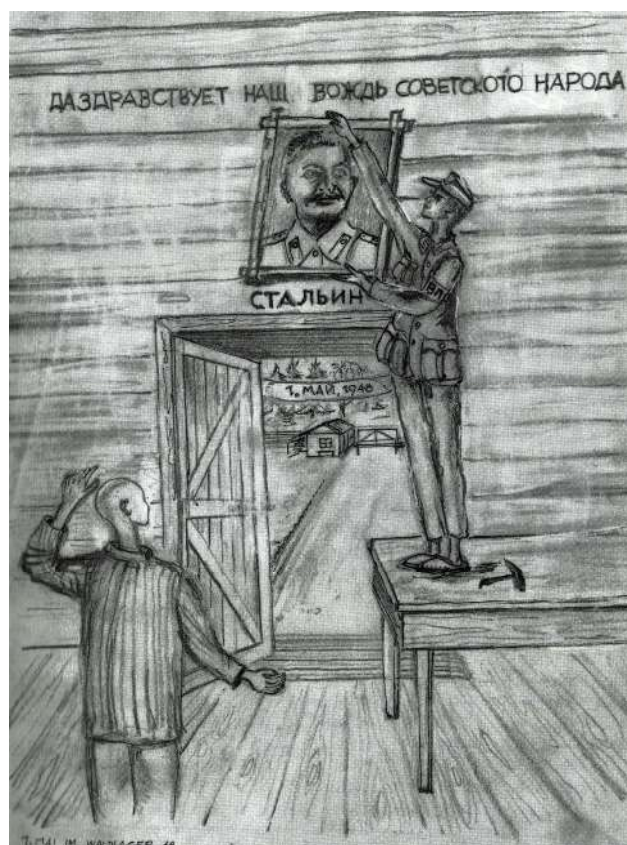
Первое мая.

1 мая – это день рабочего класса, большой праздник для русских, как для нас Рождество. После суровой зимы в начале мая кажется очень тепло. Солнце сильно пригревает. Наши караульные переодеваются в летнюю форму одежды, нам тоже выдают легкие робы. Два полных дня никакой работы в честь праздника.

По словам русских 1-й день все должны пьянствовать, 2-й день отсыпаться.

Но прежде, чем начать праздновать русские начинают все везде убирать, мыть, красить, ремонтировать.

Все это можно назвать по-русски так: «наводить красоту» к празднику.

Это «наведение красоты» распространяется и на пленников. Мы красим заборные столбы белой известкой, метем улицу, драим полы в бараке. Мне, как студенту, поручают сделать большие плакаты из простыней. Я пишу на них праздничные лозунги: «Да здравствует 1 мая», «Да здравствует наш великий вождь Советского народа товарищ Сталин». Эти лозунги теперь развеваются над нашими бараками. А еще я должен нарисовать портрет Сталина. Но у меня нет, ни бумаги, ни другого подходящего материала, нет красок. И главное, я не знаю, как выглядит Сталин. Вернее мне знакомо его изображение только по карикатурам из немецких газет. Русский истопник Антон, беспокоясь, о выполнении такого ответственного задания нашел для меня кусок фанеры и несколько кусков древесного угля. А рамку я сделал из свежих толстых березовых веток. Итак, портрет готов, я повесил его над входом в барак. Свежая береза, из которой я сделал рамку, источает лесной аромат, что только усиливает праздничное настроение. Но не тут-то было, сержант из охраны звонит от лагерных ворот и требует десять человек, для работы.

-Что, сегодня, в праздник? – Спрашивает кто-то из пленных и сам же отвечает:
-Ну, ясно, кто-то хочет заработать на выпивку!

Альфонс выделяет десять человек, среди них, конечно, и я. Мы забираемся в кузов поджидающего у ворот грузовика. Из кабины веселый шофер, источающий пьяный праздничный аромат, приветствует нас. Он с грохотом закрывает дверь и грузовик, подпрыгивая на ухабах, катится прочь от лагеря. Я заметил в кабине приклеенные фотографии русских женщин, вполне стандартный вариант, как и для немецких шоферов. Я замечаю также, что машина издает постоянный стук. Стучит явно двигатель. Шофер, словно прочитав мои мысли, крикнул из кабины:
- Масла нет, вот и стучит, зараза.

Вернувшись после работы в лагерь, я встречаю разгневанного Альфонса.
-Тебе повезло, что тебя там не было. Как ты мог так нарисовать Сталина? Офицеры зашли посмотреть, сняли портрет и унесли. Я даже боюсь подумать, что они с тобой теперь сделают? Но, ни в этот день, ни потом со мной ничего не сделали. Скорее всего, русским начальникам понравился портрет, и они забрали его себе. Альфонс все эти дни просто походил на фурию при встрече со мной.

Новички.

Война подходит к концу. В лагерь начинают прибывать новые пленные. Последний раз привезли новую партию в 30 человек. Мы уже опытные заключенные с интересом наблюдаем за новичками, которых определили в одну бригаду. Нам кажется, что их лучше устроили, лучше кормят в отличие от нас. И еще они хорошо одеты. Их безупречное полевое обмундирование сильно контрастирует с нашими поношенными робами. У многих из новеньких на

кителях еще болтаются награды. Мы смотрим на лагерное пополнение, как на людей с другой планеты. В нас растет раздражение и зависть.

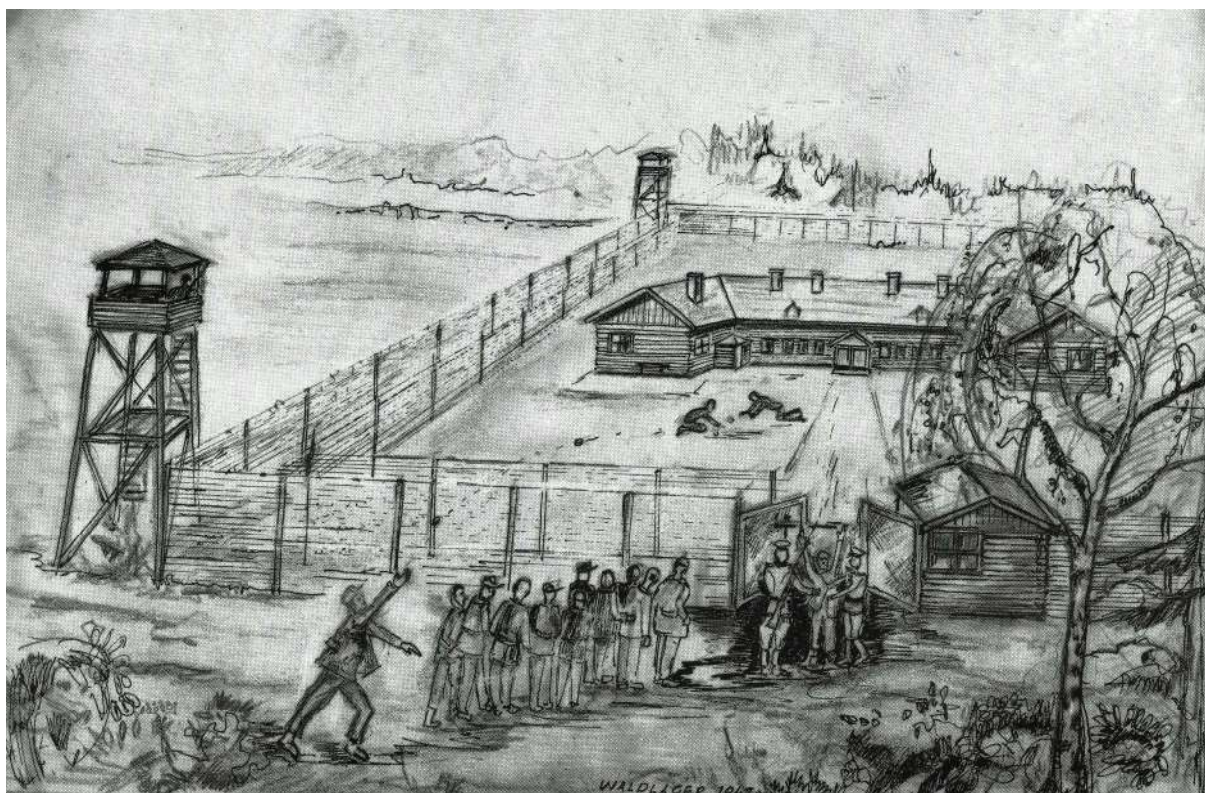
Как это было возможно, что эти, «господа» избежали расследования, чистки, пересыльные мучения? Почему у них другие права? Они же то же пленные. Или русский гнев сходит на нет, тем сильнее, чем ближе развязка?

Так как новенькие проходят карантин, нам не разрешают с ними общаться. Мы только переглядываемся. Мы смотрим на них, как на чужаков. Они смотрят на нас с презрением и опаской. Так нам кажется.

Мне приказывают тащить колючую проволоку к столбам!

Я злобно кричу:

- Пусть тащит новенький! Я уже натаскался!

Иногда мне удастся выменять на хлеб или сахар у русских охранников безделушки, которые наловчился делать из разных подручных материалов. Жест от банок, кусочки плексигласа, старая зубная щетка. Я вырезал виды из моей прошлой жизни, виды дорогих моему сердцу мест.

Однажды я сделал перстень. Он получился ярким, похожий на бриллиант.

Я долго и усердно шлифовал его, чтобы он сверкал еще ярче. Сколько всякой еды я смогу на него выменять, даже трудно представить.

Заинтересованная сторона не заставила себя долго ждать.

Во время работы в лесу ко мне подошли русская женщина с дочкой, которые собирали грибы.

- Мама, мама купи его мне, - воскликнула дочка.

- Сколько? – Спрашивает мать.

Не раздумывая, я требую два яйца.

- Одно!

- Хорошо, одно! – Соглашаюсь я.

На следующий день женщина вручает мне на том же месте куриное яйцо.
Всю ночь я думал, как я могу съесть это яйцо.
Я придумал такой деликатес. Я обжарил на костре два ломтика хлеба. Яйцо перемешал с сахаром и щепотью молотой фасоли. Выложил смесь на один ломтик хлеба, накрыл другим. Получилось великолепно. Даже сейчас спустя годы я вспоминаю это, и мое сердце начинает радостно биться.

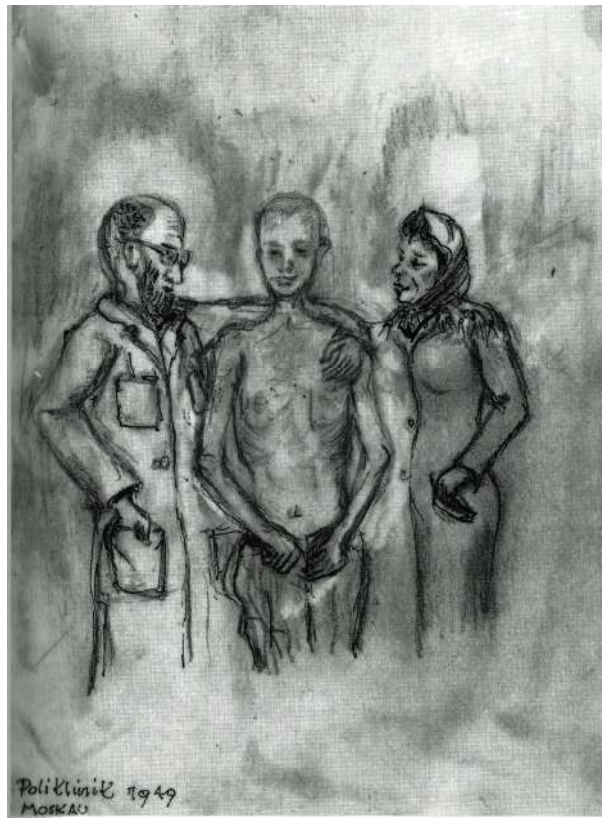
Разбирали старый пол на складе, и нашли бутылку «Кубанской», которую видимо, спрятал русский рабочий. С чистой совестью мы ее распили.

Совсем скоро домой!

Нас собрали в комнате, и мы пишем на бумаге заготовленный текст.
Мы все пишем эти слова, с полной верой в их правоту:
«Как враги мы вторглись в СССР, так давайте расставаться друзьями!
Советское руководство и Советский народ призывают нас к этому.
У каждого народа есть взлеты и падения.
Мы должны пережить это, извлечь уроки и жить дальше.
Мы познакомились с Советской системой, а также с русской душой.
Мы больше никогда не поднимем оружие против Советского народа!"

Ветрянка.

Я заболел, наверное, ветрянкой.
Несмотря на то, что я отрицаю вопрос врача о возможном контакте с детьми, врач остается верен своему диагнозу и помещает меня в карантин.
Почему бы и не заснуть в мягкой и теплой постели и не поесть, наконец, досыта.
Я ведь заслужил небольшой отдых.
Каждый вечер меня посещает немецкий врач.
Он держит мою руку и говорит:
- Ханс, все-таки это не похоже на ветрянную оспу. Тебе надо спокойно лежать в постели, отдых пойдет тебе на пользу!
С большим интересом за течением моей «странной» ветрянки следит русский врач. Прошло две недели, а воспаленные места на моем теле и лице не проходят, что бы произошло при ветряной оспе.
Теперь на первый план вступает русский врач. Женщина с типичной славянской внешностью, улыбаясь, говорит мне:
- Мы оба идем в Москву!
Меня переодевают в чистый гражданский костюм.
Мы едем в больницу в Москву.
В больнице меня осматривает главный врач в очках с роговой оправой.
Он улыбается мне, и спрашивает по-немецки.
Когда я сделал ему комплимент за его свободный немецкий, он ответил, что был врачом во Франкфурте.
Я понял, что передо мной эмигрировавший еврей, который искренне хочет мне помочь.
Он сам жертва фашизма видит жертву войны и во мне. Я потом это понял.
Он кладет мне руку на плечо и говорит врачу, что меня привезла:
- Коллега пошлите мальчика домой, чтобы он мог жениться, и вся его «ветрянка» исчезнет сама собой.
От этих слов у меня начинают лить слезы.
Всю дорогу назад в лагерь врач подшучивала надо мной:
- Найдем тебе хорошее лекарство!

Домой!

Наконец, настал этот день.

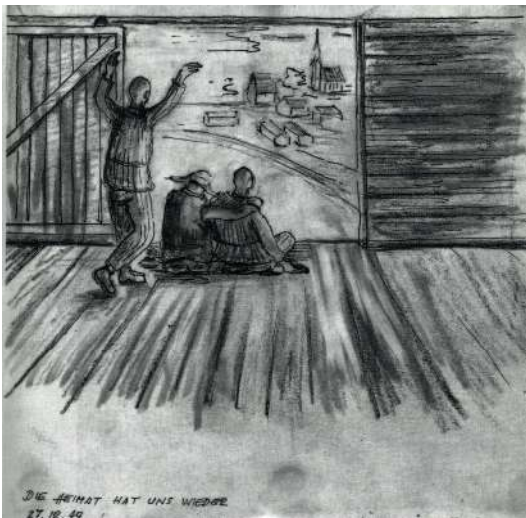
День, которого я так долго ждал.

Нас строят перед баракom.

Называют наши имена.

Нам выдают новую одежду, телогрейку и шапку.

Затем мы выходим за ворота лагеря с тем, чтобы не видеть его больше никогда.

Домой!